Андрей Малышев

Ангел Вологодская детская

Ангел

Вологодская детская

Андрей Малышев

Номинант на Нобелевскую премию в области литературы

Содержание

Андрей Валентинович Малышев

1963

Если хотите прикоснуться к ангелу – просто обнимите ребёнка!

АНГЕЛ

Рассказ-притча

И вновь Он пришёл к нему.

Его Маленький светоносный Ангел.

Крылья прекрасного небесного создания ласково струились под лучами трёх инопланетных звёзд, и Его голос звучал сладкой прохладой лесного родника, дарящего своё богатство жаждущему воды путнику.

- Проснись! – лучезарно улыбнулся ему Ангел и нежно дотронулся до него.

Лейтенант милиции Орлов блаженно улыбнулся своему видению.

- Проснись! – вновь тихо попросил Ангел и нежно погладил его своей крохотной ручкой.

- Кто ты? – спросил маленького херувима Орлов, наверняка зная ответ. - И почему ты приходишь ко мне?

- Я твой Маленький Ангел, так ты меня звал всегда, - как-то печально ответил его Хранитель, - и я всегда буду с тобой…

Офицер недоверчиво покачал головой.

- Но я сплю, - недоверчиво посмотрел на маленького херувима лейтенант, - и ты снишься мне…

Ангел грустно посмотрел на него.

- Это не сон! – небесной музыкой прозвучал его голос, - Ты в коме, и твои врачи ничего не могут поделать с этим… Сегодня они отключат тебя от аппаратов жизнедеятельности и тогда я не смогу приходить к тебе…

- Какая ерунда, - запротестовал офицер милиции, - какая кома?! Я сплю…

- Нет, - грустно покачал головой его Ангел, - ты не спишь… Помнишь ли ты своё последнее задержание преступника?

- Помню…, - отозвался Орлов, - брал я тогда бандита Ларкина…

- Ну и…, - подторапливал его Ангел, - помнишь, что было дальше?

Милиционер с недоумением глянул на небесного херувима.

- Помню, - коротко сказал Орлов и продолжил, - при задержании, когда выбили дверь в притоне, где укрывался бандит, ему каким-то чудом удалось отскочить, он схватил топор и …

- А дальше? – смотрел на него как-то печально Ангел, - Что было дальше, ты помнишь?

- Да, - выдохнул лейтенант, - я отскочил в сторону и, когда этот нелюдь бросил в меня топор, из соседней квартиры выскочила маленькая девочка… и … в общем, закрыл я её собой…

- Что же было дальше? – спрашивал Ангел, и маленькие серебряные слёзы жемчужными каплями беззвучно текли по Его прекрасному лицу.
- Ты помнишь?

- Конечно! - с воодушевлением отвечал лейтенант. – Чудо как бы произошло: топор, летящий мне прямо в голову, отклонился и угодил по моей ноге! Я даже от госпитализации отказался, вот как.

- Не произошло чудо, - не скрывая своих слёз, плакал его Маленький Ангел, - ты в коме, и если не произойдёт настоящее чудо, я никогда не увижу тебя…

- Встать! – скомандовал сам себе и попытался проснуться лейтенант Орлов.

Но безуспешно, тело абсолютно не слушалось его. И тогда он с любопытством посмотрел на своего Маленького Ангела.

- Почему ты плачешь? – с уважением спросил он Его.

Небесное создание кротко посмотрело на него: - Потому что люблю тебя!

И вдруг, как предвестник чего-то необычного и необъяснимого, прямо над ними просиял яркий божественный свет и, сияя небесной радугой, пред ними предстал Небесный Ангел, словно бы сотканный из лучиков солнечного света.

С любовью посмотрев на Орлова и его маленького Хранителя, Небесный Гость ласково дотронулся до милиционера своим крылом и чудно как-то молвил, как пропел: - Проснись!

Ослепительный свет озарил Орлова, словно какая-то мрачная зазеркальная пелена спала с его глаз, и он проснулся.

И видел он, как вдруг нежно прикоснулся к нему и поцеловал его Маленький Ангел.

Лейтенант Орлов открыл глаза и улыбнулся: в небе из окна его больничной палаты радостно и привычно подмигивали ему три ласковых огромных солнца.

А рядом с ним, лежащим на своей кровати в палате реанимации, стоял и улыбался Ангел – его маленькая дочь.

БАБУЛЯ

Рассказ

Солнце смеялось, радовалось и пело, заглядывая в счастливое лицо десятилетнего мальчугана.

Десять лет исполнилось сегодня Серёже Ивкину.

Представляете, десять!

И вот по этому радостному поводу подарили родители нашему Серёже на юбилейный день рождения целых пять тысяч рублей, мол, купи себе что-нибудь хорошее и ценное, выбери себе подарочек, ибо папа с мамой люди занятые, на службу ходят, да и некогда им.

Так ведь и понятно же, среда, чай не суббота и воскресенье, одним словом не выходной.

Поблагодарил так радостно родителей своих наш Серёжа, да и в магазин побёг, что в аккурат неподалёку от их дома располагался. В супермаркете том, в детском отделе давняя мечта Серёжина на полках пылилась: настоящий большущий и летающий японский вертолёт с пультом дистанционного управления! Дорогущий! Аж целых пять тысяч стоит!!!

А что вы хотели, мечта она и есть мечта.

Прибежал, быстро так прибежал малец к магазину, да вот незадача, на улице, буквально у самого входа в магазин натолкнулся он на старую плачущую бабулю.

Стояла сиротливо так бабуля и плакала.

Посмотрел на неё Серёжа: старенькая, в латанном-перелатанном пальтишке, такая же седенькая, как и его родная бабушка. А вот глаза её поразили нашего мальчугана: большие такие, прям голубые озёра, глубокие такие, утонуть можно, как в омуте. И вот сейчас эти глаза дождили осенней непогодой.

Плакала наша старушка, вздрагивая от своего горя, как ребёнок: - Потеряла, почти всю пензию потеряла… все деньги, как коту под хвост… Господи, как я жить-то буду… Чем за квартеру заплачу и что исть буду…

Серёжа с сочувствием посмотрел на плачущую старушку.

- Бабуля, а, бабуля, - тормошил пожилую женщину юный мальчуган, - что стряслось-то? Скажи толком?

Не переставая плакать, старушка пропела горестное: - Деньги я потеряла… все пять тыщ, такие деньжищи, одной бумажкой, пальто у меня старое, внучек, вот денежка и выпала… Сама-то я родом с Серговки, есть така деревня под Тарногой, по вашему-то вестимо Сергиевкой её кличут… Всю жизь в деревне робила, а вот под старость городской заделалась… И что тут скажешь?.. Жизть…

- А что же бабушка, - спросил Серёжа у бабули, - и без кошелька денежка-то была?

- Без него, окаянного, без него, - не успокаивалась бабуля, - уж затеряла его давеча, ишо под иванов день, дак и не нашла….

С состраданием Серёжа Ивкин смотрел на плачущую бабушку, как вдруг внезапно его осенило.

Словно бы принимая для себя какое-то очень важное решение, он улыбнулся НЕЗНАКОМОЙ ему женщине: - Да ты не плачь, бабуля! Не беда, что деньги обронила, нашёл я их, вот они, твои пять тысяч, как ты и говорила, одной бумажкой, на ступеньках магазина лежали, я и подобрал.

Бабуля опешила и, перестав плакать, удивлённо посмотрела на говорящего мальчугана.

- Что, бабушка, – улыбался Серёжа Ивкин, - от счастья дар речи потеряла? Вот твои деньги, у тебя сегодня как день рождения. Не теряй больше ничего!

С этими словами Серёжа передал СВОИ пять тысяч просиявшей бабуле, от счастья, кажется, утратившей всякий дар речи.

И сам счастливо улыбнулся, будто бы получил самый дорогой подарок на свой день рождения.

Солнце смеялось, радовалось и пело.

БАНТИК

Рассказ

Сестре Лиле

ПОСВЯЩАЕТСЯ

А приболела как-то Кешина младшая сестра Анютка Петрова.

И ничем-то, а ангиной-скарлатиной, никак не ниже!

Вот, и пока маялась малолетняя сестра то от жара температурного, то от озноба, и плакала даже от бессилия и заболевания своего, призадумался наш братец Кеша, оставленный мамой, ушедшей в магазин, присматривать за сестрой, о том, как бы развеселить сестрицу. Да вот ничто не шло на ум четырёхлетнему мальцу, пока его взгляд случайно не упал на коробку маминых украшений на столе: помады там всякие и бижутерия, на верху которых сиротливо красовался большой бант приболевшей Анюты.

Посмотрел так ещё раз на мамину коробку наш герой, затем глянул на больнавку, и таинственно как-то улыбнулся.

Буквально через несколько минут комната, где лежала приболевшая Анюта, огласилась индейским боевым кличем команчей, поскольку в неё влетел «друг индейцев всех времён и народностей» – маленький Кеша.

Это надо было видеть!

Абсолютно обнажённый и разукрашенный помадой с головы до ног, как боевой раскраской, увешанный дамскими цепочками и украшениями, маленький «команч» потрясал в воздухе лыжной палкой и издавал немыслимые дикие звуки, которые могли бы испугать даже дикого опоссума. На низу живота героя грозно поблёскивал и подпрыгивал в такт его танца большой сестрин бант – ну нельзя же индейцу быть полностью голым!

Незаметно как-то ясным солнышком вдруг улыбнулась болящая сестра и не выдержав, заразительно рассмеялась от души.

Радостно глянув на сестричку, облегчённо улыбнулся и наш грозный «команч» - братец Кеша.

Надо ли говорить, как быстро после этого «индейского цирка» поправилась маленькая Анюта!

ЛЕЩИ ГУЛЯЮТ

Рассказ

Дело было в мае.

В аккурат на Куште-реке, что несёт свои чистые прозрачные воды в Усть-Кубенском районе северной Вологодской области. Небольшая лесная нерестовая речка по весне по своему обыкновению разливалась весьма широко и затапливала прибрежные луга, образуя мелководные и хорошо прогреваемые солнцем полёвы – райское место для нереста разнорыбицы и её питания различной живностью и прошлогодней травой.

Вот и сидели у реки два мальчугана, десятилетние братовья Андрей и Коля и мечтательно смотрели на таинственные воды Кушты, на которой то и дело были видны расходящиеся круги от гуляющей рыбы. В воздухе приятно пахло весной, их догорающим костром и чем-то неведомым, добрым и хорошим, тем, от чего хотелось смеяться и плакать одновременно.

И так захотелось вдруг ребятам посмотреть поближе на играющую и гуляющую рыбу, что быстренько накачав свою резиновую лодку «Язь-2» и столкнув её на воду, они плавно отошли от берега, любуясь искрившейся и сверкающей на солнце Куштой-рекой.

Внезапно Андрей ойкнул: дно резиновой лодки ощутимо содрогнулось от ласкового удара крупной рыбы, и затем неведомая рыбища нежно потёрлась о днище лодки.

Затем толчок повторился, и на этот раз уже Николай ойкнул, после чего блаженно улыбнулся, показывая рукой на воду: – Андрюха, смотри! Лещи гуляют!

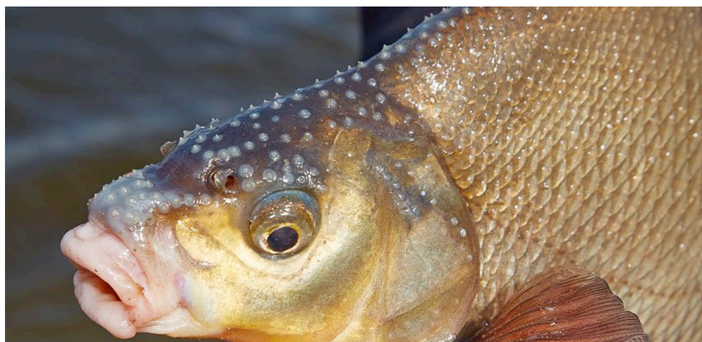
Внезапно вода вокруг лодки вскипела и буквально взбурлила от невероятного количества огромных лещей, всплывавших на поверхность и играющих на солнце своей бронзовой чешуёй. То и дело над поверхностью воды показывались сотни крупных рыбьих горбов матёрых лещей с высоко поднятыми заострёнными чёрными перьями плавников. Лодка буквально ходила ходуном, оказавшись в самом эпицентре гигантской стаи гуляющих лещей.

– Вот это да! – не выдержал удивлённый Андрюша. – Смотри, Колямба, как лещи гуляют! Я такого никогда не видел!

– Да, – солидно и степенно согласился со своим братом Николай, посмотрев на огромного леща, вылетевшего из воды едва ли не на метр и птицей пролетевшего над их лодкой, – где ещё такое увидишь?! Такое один раз в жизни бывает, и то, только у нас, на Куште!

Словно подтверждая слова Николая, из воды вновь вылетел маленьким дельфином гигантский лещ и, сверкнув в воздухе солнечной радугой брызг, окатил детей чистой речной водой.

Эх, до чего же хорошо на родной реке!

НА САЛАНГЕ-РЕКЕ

Рассказ

Памяти близких:

Расторгуевых Вячеслава Ивановича,

Анны Кирилловны и

Мельничук Агнии Вячеславовны

Посвящается

Ранним утром в одной из изб в северной деревне-деревушке Сергиевка, что затерялась на необъятных просторах Тарногского района Вологодской области, зажёгся свет.

- Ну, куда вы ни свет ни заря, - укоризненно смотрела на своих внуков Андрея и Николая их бабушка Анна и продолжала своим певучим окающим вологодским говорком, - спали бы ишо, робята, сумерешно ишо так, что даже загороды не видно, а я вот робить буду, робота меня ждёт, на поскотине серавок обряжать буду.

С этими словами бабушка вышла из дома, подзывая к себе во дворе овец: - Чака, чака, чака!

- Ну что, орлы-орёлики, - с любовью посмотрел на своих внучков их дед Слава, - хоть и сумерешно ишо, но до Саланги-реки путь неблизкий, собирайтесь, Андрюша, Николаша, впрочем, вам мамани и без меня помогут.

Сёстры Лия и Агния споро и быстро одевали своих сыновей, подготавливая их в дальний рыбацкий поход, перед этим накормив рыбачков и приготовив им бутерброды на дорогу.

- Всё, тятя, одеты, - улыбнулась своему отцу Агния и с любовью погладила сына Колю по его тёмным волосам.

- Ну ты, славнуха, пригожая, - привечал и в самом деле красавицу-дочь её отец, - быстро обрядились, молодцы! А чуни-то, чуни какие баские и знатные у внучков, одно слово - городская обувка, молодцы, девки!

- Спасибо, папа, - с любовью посмотрела на батяню красивая, как испанская цыганка, старшая дочь Лия, - до вечера-то хоть управитесь, мы к ужину ждать вас будем.

- Вернёмся, Лия, не беспокойтесь, - заверил их отец и одёрнул баловавшегося непоседу младшего внука, - счунься, остановись, Николаша, что ты как векша изгиляешься! Зря что-ли тебе седни баял, если будешь варзать – не возьму на Салангу-реку! Смотри, в чулане будешь ночевать, поперешный такой, вместо реки-то, чтобы неповадно было! И зачем ты вчерась соседку вельмой обозвал, какая она тебе ведьма?!

Маленький Никола после замечания дедушки и в самом деле успокоился и перестал шалить.

- Ну а топерича, - испытующе посмотрел на детей дед, - уды и червяков возьмите и айда за мной, и чтобы не стонать и не шебуршать по дороге, хоть и неражая дорожка-то будет. За мной идти как маяка держаться, лесок там небольшой, в нём я как огломызда буду!

И в самом деле, их дед Слава был самым настоящим «огломыздой», то есть по деревенскому языку ну очень высоким человеком, и как только с его ростом он в кузне управлялся! Выйдя с внуками из избы, они пошли по направлению к дедовой бане, что стояла на отшибе деревни за загородой – забором околицы, в аккурат на границе колхозного поля. Идя по поспевающей ржи, любуясь синими-синими, как ясное небо, васильками, «младоотделение» деда уверенно вступило в лес и пошло по лесным тропам, известным только Богу и их деду.

- Вот ты падина, плохая какая, - беззлобно выругался дед, споткнувшись о лесной пенёк, и посмотрел на детей, - осторожней идите, робята, под ноги смотрите, тропинка неражая, плохонькая, да и в лесу сумерешно ишо, сам иду как слепой на перегороду, ничего не вижу.

Да, тропинка и в самом деле была неприметной, и в утренних сумерках идти по ней надо было осторожно. Впрочем, не успев как следует устать, рыбацкое отделение подходило к месту их отдыха и рыбалки. Саланга-река показалась внезапно, стоило лишь закончиться лесу. Вид её был очарователен и прекрасен: лесная красавица несла свои чистые и прозрачные воды посреди необъятной вологодской тайги. Где-то она была широка, а местами, минуя свои протоки и глубокие ямы-бочаги, превращалась в небольшой мелководный ручей, который весело журча, гнал свои хрустальные студёные воды по выступающим камушкам грунта реки. И в этих местах лесную речушку запросто можно было перейти вброд, нисколько не рискуя при этом.

-Ну как? – спрашивал дедушка у детей, - Баско здесь?

- Да, красиво, - согласились с ним его внучата.

- Вот, робята, - поучал своих внуков дед Слава, показывая им таёжную речку и рассказывая про её рыбацкие секреты, - в этой яме, а здесь шибко глыбоко, щучина агромадная живёт, здесь лучше не купаться, а вон там на малой воде пескариный рай!

Дед, посмотрев на внуков, широко улыбнулся.

- Впрочем, - нарушил недолгую паузу дедушка, - пришли мы сюда не за щукой или пескарями, этого добра и в Сухоне-реке хватает! Ловить мы с вами, братцы, хайрузов станем, знатными хайрузятниками вас сделаю, даже не сомневайтесь, потому как хайрузов и хайрузят здесь немеряно!

Подойдя к мелководному и широкому ручью с быстрым течением и хрустально-чистой водой, старый рыбак забросил свою насадку в беловодье Саланги-реки. Не прошло и минуты, как рыбак подсёк неведомую рыбу и осторожно подведя её к берегу, выбросил её на

прибрежные камни. На мелкой гальке прыгала довольно-таки крупная пятнистая, как форель, поблёскивающая на солнце своей чешуёй красивая и гордая рыбина, раскрывшая диковинный для детей свой парус-плавник.

Хариус!

- Ну, вот мы и обрыбились, робята! – радостно изрёк их дедушка, весело посматривая на внуков, - Знатного я хайруза зацепил, теперь и вы попробуйте такого же изловить, зря, что ли уды от самой деревни несли!

Подойдя к берегу искрящегося на солнце ручья-переката, дети обомлели: в чистоте родниковых вод Саланги-реки они заметили множество мелких и крупных хариусов, которые тыкались в камни и грунт реки, разыскивая свой утренний корм, лениво перекатываясь на быстринке ручья.

- Вот это да! – восхитился старший брат Андрюша, посмотрев на младшего, - В воде всё видно, как на ладони!

И действительно, наши юные рыбачки принялись ловить диковинную для них рыбу, наблюдая не сколько за поплавками, а ясно видя, как подходящая рыба брала в рот наживку и заглатывала её. Поэтому никакого труда не составляло удачно подсекать и выбрасывать на берег трепыхающихся на тонкой лесе изловленных красавцев-хариусов.

Да, рыбалка удалась!

Наловив большое количество разновеликих хариусов, которых они видели впервые, братья счастливо переглянулись – рыбалка удалась на славу!

- Слава Богу! – задумчиво посмотрел на небо и перекрестился их старый дед, - Не подвёл Святый, дал порадовать внучков! Ну что, робята, есть Бог на свете, порыбалили мы, топерича пора и честь знать, да домой топать. Молодцы мы с вами, внучата, так и скажем, молодцы!

В небе над счастливо улыбающимися рыбачками, в ответ им улыбалось и светило ласковое солнышко, да где-то за лесом раскинулась широкая радуга, даря надежду, веру и любовь!

Ефрейтор Сушёный

Рассказ

Памяти бабушки Надежды Александровны

и дедушки Николая Павловича Малышевых

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Как-то в городе Грязовец, есть такой городок в Вологодской области, собрались детки поиграть в войнушку. И хотя ворчал их старый дед-фронтовик Коля, смотря как его военную гимнастёрку примеривал на себя один из «командировов» противоборствующего отряда, но особо не мешал, понимая, что есть такая замечательная пора у человека – детство. А раз так, разбившись по отрядам, одна группа детворы из трёх человек пошла прятаться во дворе их дома, а вторая терпеливо ждала и отчитывала минуты до своего выхода на поиск где-то затаившегося «врага».

Короче, «зарница» по-грязовецки!

Выйдя из дома, «командир» отряда, которому надлежало как следует спрятаться, заприметил во дворе дома старую двухэтажную сараюшку, куда уверенно повёл своих «бойцов».

- Вы куда, поперешные, уж не в сарайку ли? – встретила вопросом их бабушка Надя, - Ох, вицей вас отхожу, чтоб неповадно было!

- Да, - скромно ответствовали «бойцы» и посмотрев на бабушку, улыбнулись, - но мы не варзаем, просто игра у нас такая, военная!

В самом деле, в руках у ребят грозно поблёскивали игрушечные автоматы.

- Ладно, - с любовью посмотрев на них, махнула рукой бабушка, - играйте, только чур, на второй этаж не смейте лазить, лестница там не ражая, плохонькая, доведена вся, с неё и убиться можно!

- Хорошо, бабушка, - хитро-мудро так, по-заговорчески улыбнулись её внучки и пошли в сарайку, - только ребятам не говори, где мы спрятались!

- Не скажу, не скажу, - засмеялась их бабушка и ушла по своим делам в огород, который находился за сарайкой.

Посмотрев на своих «бойцов» их «командир» не без юмора посмотрел на одного из своих младших братьев, играющего в «зарницу» под своим грозным именем: - Ефрейтор Сушёный!

- М-да, - улыбнулся как довольный котяра его вышеназванный брат, в самом деле весьма сухощавого вида и сложения, - м-да, я здесь!

- Отвечать надо как в армии «Я!» -, сухо посмотрел на него «командир», - Слушай боевую задачу: залезай как самый лёгкий на второй этаж, сиди

там в засаде. Когда позову, спускайся и нападай на врага сзади. Как позову, значит ко мне!

- Понял, понял, - послушно закивал головой новоиспечённый «ефрейтор», - я как ястреб на них спущусь, мало не покажется!

После чего братовья попрятались в сарайке, два брата затаились на первом этаже за грудой всевозможных вещей, а на втором этаже спрятался их грозный и беспощадный «боец» - «ефрейтор Сушёный», миновавший таки прогнившую лестницу и с трепетом сжимающий сейчас свой игрушечный автомат.

Дверь сарайки противно скрипнула и внутрь вошли противоборствующие им братья из «вражеского войска».

Зайдя в древнее строение, ребята с любопытством осматривались.

- Руки вверх! – нарушил недолгую паузу «командир» засадного отряда, выпрыгнувший с братом из своего укромного места.

Неприятель опешил.

О, сладостный миг победы!

Наслаждаясь своей победой, «командир» привёл в действие своё основное оружие – засадную «гвардию» в лице спрятавшегося на втором этаже сухощавого младшего брата.

- Ефрейтор Сушёный! – грозно позвал его командир.

- Я! – не менее грозно пискнул в своём ответе «боец» и поспешно спускаясь вниз, надломил обветшалые ступеньки лестницы и с воплем «й-я-а-а-а!» на заду съехал с лестницы к ногам изумлённых противников.

Смеялись все.

Но громче всех смеялся наш грозный Ефрейтор Сушёный.

ЁНИК

Рассказ

Как-то летним вечером собрались два братана по младости своей на ночную рыбалку на речку, что несла свои животворящие воды неподалёку от их деревенского дома. Взяли с собой удочки, палатку, большущий котелок под рыбу, в общем, много чего взяли. Придя на реку, по первянке закинули братаны свои уды в реку, поставили палатку и стали ждать клёва.

Но что-то не заладилось у них с рыбалкой. Клёв, как говорится, отсутствовал напрочь. А коли так, то пошли наши братаны по лесу прогуляться да заодно дровишек для ночного костра заготовить. Вовсе даже недалеко отошли они от реки, как услышали какой-то шорох и шебуршание на земле. Присмотревшись, заметили они в траве двух молодых маленьких ежей. Один, что попроворнее был, спрятаться от них успел, а другого они поймали. Назвали они, значит, пойманного колючего пленника Ёником, а сбежавшего Ёшкой, по аналогии с известным мультфильмом.

Взять хотели они Ёника с собой, но посмотрев на его умилительную мордашку, жалостливо поблёскивающие бусинки чёрных глаз, сжалились и отпустили ежа под небольшую мохнатую ель.

И что вы думаете?!

Минуты не прошло, как к отпущенному на свободу Ёнику, подползла поющая свою какую-то бурчащую ежинную песню, Ёшка. Встретившись, ежи радостно соприкоснулись своими колючками и оживлённо поползли по своим лесным владениям.

Вернувшихся к своим удочкам братовьёв ожидал сюрприз в виде клюнувших на их насадки пары приличных язят!

Да, их рыбалка продолжалась!

Над рекой пели свои вечерние песни соловьи, а где-то в лесу, в траве копошились и пели свои негромкие скрипящие мелодии маленькие ёжики.

ЛУЖА

Рассказ

Ох и красива Кубена-река в лучах алого рассвета!

Северная вологодская красавица не торопясь несла свои чистые родниковые воды, играя на мелководье порогами пенных завихрений и брызг, образуя на спокойных глубинных местах ямы и омуты, в которых скапливалась не потревоженная никем рыба.

Да, хорошо в мае на реке!

По пересохшему заливному лугу, робко поросшему юной травой, пахнущей цветущим нектарным разнотравьем, шли с лёгкими самодельными удочками в руках юные мальчуганы Петя, Гриша и Вася, осторожно перешагивая небольшие лужи, оставшиеся от большой отступившей воды, ибо нерестовое половодье закончилось, и река вернулась в свои берега. Облавливая самые интересные места, наши рыболовы шли по направлению к их дачному посёлку, угадывающемуся по пению утренних петухов, разросшемуся до невиданных размеров из маленькой деревушки Пахино. То, что у наших рыбачков лов, мягко говоря, не задался, было видно по их пустым полиэтиленовым пакетам, трепыхавшимся на ветру в руках у детей. Надеясь поймать что-нибудь хотя бы на радость кошкам, они периодически останавливались и забрасывали свои удочки в наиболее красивых и заманчивых местах.

- Да-а-а, - авторитетно произнёс самый старший из мальчуганов десятилетний Петя, и скептически посмотрел на их пакеты под так и не пойманную рыбу, - правильно мне дед говорил, что после нереста на удочку хоть обловись – ничего не поймаешь!

- И то, правда, - поддержал его Гриша и покосился на поплавок, который не торопясь двигался вместе в речным течением, - за всё утро ни одной поклёвки.

- Что им только надо, этим рыбам? – посмотрел на ребят рыжеволосый конопатый Васёк, - и червей им предлагали, и бабочек, и стрекоз, - ничего! Не берёт и всё!

- Взрослых надо слушать! – засмеялся Петя и предложил, - Всё, ребята, находился я, ноги уже гудят, сматываем удочки!

- Вся-то правда, давно пора, - поддержали его друзья, и смотав удочки дети пошли вдоль реки к их дачному посёлку.

Пройдя где-то метров сто, они наткнулись на речной кустарник, буйно росший на самом берегу реки. Ранним утром наши рыбачки обошли его стороной, а сейчас ими овладело какое-то любопытство и, продираясь через молодые ветви приречных кустов, наши ребята неожиданно для себя обнаружили у самой реки, буквально в паре метров от берега, большую и широкую лужу, глубиной не более сорока сантиметров. Было видно, что эта лужа, оставленная после нерестового половодья,

стремительно мелела и обсыхала. Решив форсировать данное водное препятствие, ребята разулись и стали переходить по мягкому песку эту небольшую водную преграду. Вдруг Васёк испуганно ойкнул: его ног коснулась проплывающая рядом с ним неведомая рыба. Присмотревшись повнимательнее к луже, ребята изумлённо застыли на месте, как они раньше не заметили этого: вся лужа, потревоженная их присутствием, буквально закипела и ожила от множества маленьких и крупных рыб, которые выскакивая на поверхность, плюхались обратно в воду этого мини-водоёма. Очевидно, что вся эта рыба осталась здесь именно после нерестового половодья и разлива реки. Над этой лужей грозно летали современные гидровороны – чайки, слетевшиеся на лёгкую добычу.

А рыбы здесь хватало: кроме невероятного множества мальков, воду рассекали солидные лещи и щуки, показывая на поверхности воды свои большие тёмные плавники и хвосты.

- Вот это да! – произнёс потрясённый Васёк, поймав руками большую пятнистую щуку, и не удержав, уронил её обратно в воду, - Вот это подвезло нам, столько рыбы здесь!

Внезапно мальчишкам стало жаль рыбу, то и дело всплывавшую на поверхность боком и жадно глотавшую чужеродный воздух в стремительно обсыхающей у них на глазах большой луже.

Приняв своё решение, ребята положили свои удочки на землю, и вошли в тёплую, как парное молоко, воду, и стали с азартом ловить руками лещей и щук. После чего бережно как малых детей, спасённую рыбу передавали в объятия реки, которая благодарно принимала своих питомцев. Лещи и щуки, глотнув свежей кубенской водицы, искрясь на солнце серебром своей чешуи, радостно уходили на глубину.

- Стойте, ребята, - остановил своих друзей рыжий Васёк, - всех так не спасти, есть у меня одна мыслишка, подождите меня здесь, я мигом!

Так ничего и не объяснив своим приятелям, Василий убежал в сторону их так разросшейся дачной деревни.

- Что он придумал? – недоумённо посмотрел на Гришу Петя, - Рыбу надо спасать, а он в деревню побёг! Да и что можно сделать, даже если бредень принести, всё равно всю рыбу не выловить. А малёк?! Куда деть его, вон, сколько его плавает, никакой бредень его не возьмёт.

Рыбью мелочь, как впрочем, и рыб покрупнее, было и в самом деле жаль. Не теряя времени, наши герои продолжили свою важную и нужную работу по спасению рыбы, вынося из плена-ловушки лужи наиболее крупных рыб.

- Что, заждались! – от титанических усилий по спасению разнорыбицы ребят отвлёк появившийся внезапно их друган Василий, в руках которого были три небольших лопаты.

Переглянувшись друг с другом, ребята заулыбались, радуясь находчивости их друга.

- Что стоите, - бойко командовал Василий, - берите лопаты! Ежу понятно, что руками всех рыб не изловить, тем более мальков. Будем копать канавку к реке!

Дружно взяв лопаты, ребята принялись за своё благое дело по освобождению из плена найденной рыбы, споро и быстро копая канавку, направляясь к реке, которая была совсем близко. Хорошо хоть почва была лёгкая, песчаная.

- Ух! – воскликнул Гришаня, - Ну и жарко, пацаны, скорей бы до реки докопать!

- Копай, копай, - подбодрил своего друга Василий, - немного уже осталось, меньше метра!

Правильно сказано, что у того, кто делает, всё всегда получается!

Так и в этом случае, заканчивая копку своего мини-канала, ребята последним усилием соединили его с рекой!

Как когда-то весной, воды лужи весело ринулись на соединение с родной стихией. Вместе с мутной и грязной водой в реку обрадовано хлынула освобождённая и спасённая рыба. Щуки и лещи вместе с мальками быстро неслись по их каналу навстречу своей свободе, где встряхиваясь от ила и грязи, уходили в таинственно поблёскивающие глубины Кубены-реки.

- А всё-таки, - победоносно посмотрел на своих друзей конопатый Василий, - наша рыбалка удалась на славу! Вон сколько рыбы спасли, и вся она наша, и река наша, и луг этот наш, как и деревня, откуда мы пришли, и всё это, ребята Родиной называется, которая была и будет - нашей!

В небе над рыбачками нежно светило и улыбалось своей благодатной улыбкой ласковое солнышко, даря всем свет, радость и любовь.

Солёный

Рассказ

У рыбачка клевало хорошо!

В большом полиэтиленовом пакете у ног десятилетнего мальчугана, закидывающего удочку в неспешно текущие воды Сухоны-реки, уже шевелились с десяток подлещиков, несколько окуней, ершей и сорог. Смотря на уносимый речным течением поплавок, рыбачок размечтался о своём довольно-таки большом улове и чуть не пропустил очередную поклёвку.

– Подсекай! – толкнул его сидящий рядом с ним его приятель Васёк, – Не спи, Андрюха, не видишь, поплавок лёг!

Действительно, находившийся в воде бело-красный поплавок полностью лежал на поверхности воды и даже не шевелился. Словно бы проснувшись, мальчуган подсёк неведомую рыбу, которая, вероятно, в данный момент лакомилась предложенным червяком. В тот же миг самодельное удилище маленького рыбака согнулось, передавая в руки мальчугану короткие толчки ходящей на конце туго натянутой тетивы лёски неизвестной рыбы. Сердце маленького Андрюхи билось одновременно с рывками не сдающейся рыбы. Наконец, сломив сопротивление рыбы, рыбачок подводил к берегу свой трофей.

Увидев на поверхности всплывшую и лёгшую на бок рыбу, Андрей радостно прокричал: – Лещ!

Действительно, к ногам мальчугана послушно вышел, как маленький бычок на верёвочке, всамаделишный и взаправдашний лещ!

Конечно, он не был таким большим, как его собратья из Кубенского озера, и весил-то он, поди, не больше килограмма, но то, что он уже не был мелким подлещиком, это было фактом, неоспоримым фактом.

Доставая у пойманного леща крючок из рыбьей губы, мальчуган удивился. Словно бы дельфин, лещ вдруг запищал на каком-то своём рыбьем языке или наречии. Прям золотая рыбка! Удивившись и переглянувшись с Васьком, Андрюха тем не менее положил своего пойманного леща в пакет, после чего продолжил свою ловлю. Прошёл час или два, кто же считал, ибо верно говорят, что время, проведённое на рыбалке, летит незаметно и даже в счёт жизни не засчитывается. Ибо весьма хорошее это дело – рыбалка!

Придя домой и, убедившись, что вся снулая рыба, как говорится, отдала Богу душу, наш рыбачок решил завялить её. С этой целью он взял у мамани большой эмалированный таз, где приготовил специальный рыбацкий рассол, щедро добавив в воду соль, пряности в виде лаврового листа и перца, перемешав своё чудо-варево для верности рукой. Когда очередь дошла до его пойманного небольшого леща, и в самом деле весом менее килограмма, если безмен не врал, Андрюха, убедившись, что лещ мёртв, аккуратно положил рыбу в таз.

Что тут произошло!

Очнувшись от своей спячки, словно хитрый лис, лещ забегал в ядрёном соляном растворе, расталкивая тушки своих погибших собратьев, и вдруг пронзительно запищал!

Содрогнувшись, рыбачок достал кричащего и плачущего на все лады леща и бережно, как ребёнка, поместил его в ванную, налив ему холодную воду, едва ли не до краёв. Попав в родную стихию, лещ успокоился и принялся горделиво рассекать круги по своему, хоть и небольшому, но всё-таки водоёму.

– Какой-то ты, – задумался Андрей, поглядывая на леща, и вдруг счастливо улыбнулся, – солёный!

Солёный лещ, демонстративно показал из воды свой большой хвост и коротко плеснулся в ванной, словно показывая, что он хоть и Солёный, но всё-таки, несмотря ни на что, живой и здоровый.

– Да, – удивлённо процедил зашедший в ванную комнату его дядя, – видывал я всякое, но чтобы такое! Вот я, к примеру, в милиции, в патрульно-постовой службе служил, так нас пионерами звали, не хуже чем у Фенимора Купера! А как с русской печкой повожусь, особливо, если она дымит, так Тохой-копчёным звали, во как! А тут лещ – солёный, как собрат мой. А лещ твой не иначе золотая рыбка!

– Скажешь, дядя, – недоверчиво посмотрел мальчуган на своего дядьку, – золотая рыбка! Вот все рыбы буквально сразу же в ванной гибнут, через час, два, но все! Помнишь, я налима большого на живца поймал, ты его ещё Сил Силычем назвал, так он недолго в ванной протянул…

– Ну, Сил Силыч, – улыбнулся дядя, – не ровня твоему Солёному, послушал я как он песни поёт, рыбья сирена какая-то, такого никогда и нигде я не слышал!

Но прошло и два и три часа, а Солёный лещ как продолжал резвиться в большой ванной, так и продолжал, словно бы ничего и не случилось.

Приняв своё решение, рыбачок поместил своего Солёного леща в новый большой полиэтиленовый пакет с водой и стал выходить из квартиры.

– Правильно, – одобрил, улыбнувшись в свои усы и бороду, дядя Тоха-копчёный, – хоть и не золотая рыбка тебе попалась, а тварь живая, и та милость попросила!

Подходя к реке, неспешно несущей свои воды, рыбачок бережно отпустил своего солёного питомца в чистую гладь воды.

Принимая в дар жизнь и входя в родную стихию, словно бы отряхиваясь, лещ крутанулся на месте и посмотрев на мальчугана своими рыбьими глазами, коротко пропищал ему что-то своё, доброе, на своём непонятном рыбьем языке.

После чего, плавясь на воде, Солёный лещ коротко махнул хвостом и величественно ушёл в тёмные глубины Сухоны-реки.

Внезапно как-то, и непонятно почему, даже единой капли дождя с неба не уронив, на небе растянулась русской гармошкой разноцветная радуга, поблёскивая и отражаясь не только в реке, но и в глазах радостно улыбающегося мальчугана.

КАРП

Рассказ

Над утренним туманом большого сельского пруда, далеко за лесом поднималось жаркое по-летнему солнце. Где-то на пруду в зарослях камыша и тростника крякали утки, а посреди большого водного блюдца чистых вод пруда гуляла и плавилась неведомая крупная рыба. Совсем недалеко от водоёма в деревне, которая угадывалась за соснами и елями этой тихой идиллии, пели, устраивая перекличку, деревенские петухи. У пруда, уткнувшись взором в поплавок своей удочки, как заворожённый, одиноко сидел мальчик.

– Слышь, Васёк, – теребили рукав рубашки двенадцатилетнего мальчугана Василия Петрова его подошедшие друзья, – клюёт?

– Нет, – повернулся к своим друзьям Василий, весь в рыжих веснушках и рыжих-рыжих волосах, – ни одной поклёвки за утро, а у вас?

– Смотри! – горделиво показали приятелю свой улов мальчишки, – Целый пакет карасиков почти на килограмм изловили.

В руках у одного из мальчуганов красовался небольшой полиэтиленовый пакет с водой, в котором тупо бились своими короткими носиками о прозрачную стенку пакета с десяток золотистых карасей, каждый не меньше детской ладошки.

– Молодцы! – похвалил друзей Васёк. – А вот у меня не очень… Хотя вроде какая-то рыба и подходила.

– А на что ловишь? – поинтересовалась ребятня, перекидывая в руках лёгкие, острые, как копья, самодельные удочки, – Мы на червей, а ты на что?

– А я на стрекозу, – ответил Василий и перезабрасывая свою насадку подальше, показал им перед этим насаженную на крупный крючок, большую стрекозу.

– Ну-у-у…, – разочарованно протянули ребята, – кто же у тебя возьмёт на такую громилу, да она у тебя всю рыбу распугала! Впору не на неё ловить, а ей самой карасиков хватать! Да и лёска с крючком у тебя огромные, словно бы ты быка на пастбище надеешься изловить!

– Я большую рыбу ловлю, – с достоинством и солидно ответил своим друзьям Васёк, – не то что ваша мелочь!

– Да нет в этом пруде большой рыбы, – засмеялись дети, – да и не было никогда! Пошли лучше домой.

– Нет, – сказал, немного насупившись, рыжий рыбачок, – я буду свою большую рыбу ждать! Должна она здесь быть, мне дед рассказывал, что когда-то давно этот пруд карпами зарыбляли.

– Карпами! – откровенно смеялись над ним приятели, – Пошли домой, нет в этом пруду большой рыбы!

Посмотрев ещё раз на Васька и покрутив пальцами у виска, ребятня с шумом и гамом направилась по своим домам в деревню. Проводив их долгим и пытливым взглядом, Василий тяжело вздохнул: – А я всё-таки верю, что большая рыба здесь есть!

Подумав, что рыбинам не нравится его довольно-таки потрёпанная и безжизненная насадка, оставив удочку в покое, он отошёл от пруда, стремясь поймать гигантских стрекоз то и дело маленькими самолётами пролетавших над его головой. Изловив одну из «гигантур», мальчик вернулся на берег пруда и удивился: его удочки нигде не было!

Протирая, словно бы спросонья, свои глаза и не понимая ничего, он ещё раз осмотрелся. Нет, место именно то, где он и оставлял свою удочку!

Та же плакучая ива, грациозно роняющая свои ветви в воду и словно бы целующаяся с тающим над водой туманом. Его пустой полиэтиленовый пакет для не пойманной рыбы. Всё это было в том самом месте, где он и оставил свою удочку. То есть место было, но напрочь отсутствовала удочка, которую он оставил именно на этом берегу и этом месте.

Но что это?

Из воды на мелководье на расстоянии пары метров показалась какая-то бамбуковая палка, которая билась, как большой деревянный поплавок. Затем «палка» всплыла чудесным образом на поверхности воды, превращаясь в его бамбуковое удилище с рыбацкой катушкой. Удочка! Даже не раздеваясь, мальчуган вошел в тёплую, как парное молоко, воду пруда и подойдя к удочке, взял её в руку. На другом конце удочки Васёк почувствовал неподъёмную тяжесть.

Зацеп? Нет, что-то огромное и мощное с силой потянуло его на глубину пруда. С большим усилием мальчуган сдержал рывок неведомой рыбины, давая через катушку с мощной лёской послабление рыбе, не давая той разорвать лесу.

Так повторялось много раз… Рыба взбрыкивалась, как необъезженный жеребец, и уходила на глубину. При этом рыбачок отпускал лёску в «свободное плавание», затем он вновь подматывал напряжённо звенящую лесу на катушку, стремясь утомить неизвестную рыбину. Наконец рыба устала и послушно пошла к берегу. Подмотав лёску, Василий посмотрел на воду, бурлящую от поднимавшейся рыбы, и его сердце радостно забилось: на поверхность всплыл огромный, почти метровый, крупный чешуйчатый карп! Его медная чешуя переливалась на солнце и жабры жадно глотали чуждый водной стихии воздух. Смотря на его длинные усы, совсем как у сома или налима, мальчик убедился, что перед ним именно большой карп, а не гигантский карась!

Васёк представил, с какой радостью и чувством победы он прошествует по улочкам деревни, и все, смотря на его трофей, будут радостно обсуждать его удачу и хвалить его! Он посмотрел на большого карпа, жадно хватающего воздух у его ног на мелководье, и внезапно, его сердце охватила какая-то жалость и чувство любви и сострадания к этой большой и прекрасной рыбе. Решительно достав из толстой мясистой

губы рыбины большой кованый крючок, Васёк с большим усилием, оттолкнув рыбу от мелководья, уверенно направил её на глубину.

Огромный карп, посмотрев на своего избавителя своими круглыми глазами, довольно зашевелив усиками и махнув хвостом, пошёл на глубину.

Вдруг, словно бы говоря Ваську спасибо, большая рыбина полностью выскочила из воды, и сделав «свечку», погрузилась в чистые воды пруда, подняв при этом море брызг, светанувших на солнце маленькой радугой, отразившейся в глазах мальчугана.

Возвращающегося с пустыми руками к себе домой Васька на деревенских улицах дразнили его приятели, шутейно спрашивая, поймал ли он своего карпа?

Ничего не отвечал им Василий, а только блаженно улыбался, и радуга, отражённая от водных брызг спасённого карпа, маленьким солнышком играла в глазах мальчугана.

АЙК

Рассказ

А снег был белый-белый.

Он кружил, заигрывая с утренним январским ветром, и казалось, что его белые полчища пленили целый свет, заменив его собой.

Выйдя из деревенской избы, старик закашлялся, но, тем не менее, отважно вышел на белый свет, атакуемый со всех сторон белоснежным войском. Вслед за пожилым человеком в белом армейском полушубке из тепла дома и веранды вышел огромный матёрый английский бульмастиф – очень большая собака палевой раскраски с чёрной маской на морде и большими умными карими глазами.

– Ну что, Айк, – обратился старик к своей собаке, которая выйдя на крыльцо поймала и слизнула языком летящую снежинку, – смотри, сколько снега сегодня намело, уборки нам, парень, хватит.

Пожилого человека, а это и был наш старик, звали Антон Кузьмич Подшивалов, старый армеец, майор в отставке, отслуживший всю свою сознательную жизнь в артиллерийских войсках и приехавший таки на свои длинные пенсионные выходные в гордом одиночестве в старый дом, оставшийся в наследство ещё от родителей.

Дом тот стоял в лесу, на самом берегу вольной и широко раскинувшейся Кубены-реки, что несла свои чистые и свободные воды в самом сердце северной Вологодской области. Не то что у отставного майора не было никаких дел в родном городе, дела были, но всё-таки оставив свою жену нянчиться с внуками, наш Кузьмич решил таки после празднования Нового Года «встряхнуться» в родовом имении. Посмотрев на белый свет и подышав свежим воздухом, наш герой зашёл обратно в дом, где не торопясь, обстоятельно, по-деревенски стал растапливать русскую печь и подтопок. Убедившись, что огонь в печи ровный и хороший, он частично прикрыл печь заслонкой, чтобы не летели искры, и бросив своей собаке короткое «пойдём, погуляем», вышел из дома.

Взяв в веранде большую лопату для уборки снега, отставник принялся убирать снег, насвистывая ему одному известную мелодию. Весело посматривая на летящий со всех сторон снег, бульмастиф Айк степенно сопровождал своего хозяина повсюду, благо на улице было не так холодно, всего-то минус три, и поэтому, даже в своей короткошёрстной «шубке» Айк чувствовал себя вполне хорошо и комфортно.

Убирая снег от дома и расчистив его аж до самых ворот, Антон Кузьмич дружелюбно похлопал рукой стоящий у дома старенький японский внедорожник «Монтеро»: – Не замёрз, дружище?

И улыбнувшись, стряхнул снег со своего джипа. Вернувшись в дом с постоянно сопровождавшей его собакой, Кузьмич приготовил себе

нехитрый завтрак, состоящий из пары бутербродов и вкрутую сваренных яиц, заварил свежий чай. Затем, убедившись, что русская печь и подтопок протоплены, посмотрев, что не осталось горящих угольков, старик скутал печь, закрыв все вьюшки-заслонки. Глянув ещё на печь и осмотрев её, ибо угореть никому не хотелось, отставник удовлетворённо улыбнулся, и включив дачную магнитолу, пошёл завтракать.

Позавтракав, наш герой засобирался на реку, как же рыбацкие жерлицы – донные удочки без поплавков с насаженными на тройники живцами, ждали своего хозяина на нескольких речных лунках ещё со вчерашнего дня.

Одевшись, Кузьмич по привычке пристегнул к портупейному ремню большой охотничий нож. Хотел взять и свой карабин «Сайга», но потом передумал, рыбалка – не охота! Да и лунки находились от его дома буквально в десяти минутах ходьбы, ибо дом стоял практически на самом берегу реки, окружённый мохнатыми соснами и елями. Просился с ним и его верный телохранитель, но на этот раз, сам не зная почему, Кузьмич решил не брать с собой пса. Закрыв дом и оставив собаку в веранде, благо света в ней хватало, окно большое, широкое, застеклённое, старик, выходя, закрыл для надёжности и веранду на ключ. А вдруг кто-нибудь придёт? Хотя, кто мог придти к нему в заброшенный в лесу дом? Поэтому Кузьмич, покряхтев так по-стариковски и потоптавшись в валенках на крыльце, прихватив с собой нехитрые рыбацкие принадлежности, пошёл к реке. Миновав расположенную рядом с лесом старую баню и не менее старый сельский пруд со спавшими там карасями и карпами, отставник уверенно шёл по тропе через редкий лес, направляясь к реке.

Река, как всегда, открылась внезапно, стоило лишь закончиться лесу.

Подходя к заметённым снегом старым рыбацким лункам, Кузьмич приподнял фанеру, закрывавшую лунку от снега, и нащупав лёску, стал неторопливо выбирать живца на поверхность. Есть! Лёска туго напряглась и, звеня в напряжении, заходила в пульсации мелкой дрожи в руках старика. Попался кто-то! Улыбаясь своей рыбацкой удаче, счастливый Антон Кузьмич подтаскивал сопротивляющуюся рыбину на поверхность.

– Щука что ли? – вслух подумал Кузьмич, лихорадочно выбирая лёску, – Хотя не похоже, тяжело и плавно идёт, практически без рывков.

Наконец в лунке показалась большая тёмная, извивающая как змея, усатая рыба. Налим!

– Ох и хорош! – не удержался и вслух возрадовался отставной майор, вытаскивая большого налима на снег, – Поди, килограмма на три потянет! Эх, знатный пирог внукам будет!

Смотря, как крупная рыба выплясывает на льду свой танец, Кузьмич довольно улыбался, снаряжая жерлицу новым живцом и запуская маленькую рыбку в лунку, также заботливо закрывая её фанерой.

Положив налима в свой рыбацкий полиэтиленовый мешок, старик перешёл к следующей лунке.

Всего их было три, но поставлены они были в самых удачных и проверенных местах. Подойдя ко второй жерлице и проверяя её, старик почувствовал на конце лесы тупые короткие толчки попавшейся рыбы. Насвистывая радостную мелодию, Антон Кузьмич подтащил к краю лунки и достал на свет божий трепыхающегося судачка весом около килограмма. Повторив свои нехитрые рыбацкие действия, старик подошёл к третьей лунке, где проверяя снасть, почувствовал, что рыбка попалась немаленькая и с ней придется повозиться. Чувствуя, как кругами большая рыбина, напрягая толстую лесу, ходила из стороны в сторону, Кузьмич безошибочно определил клюнувшую и севшую на живца рыбу. Так и есть, щука! Счастливо улыбаясь, отставник не без труда доставал из большой лунки крупную щуку, которая, очутившись на поверхности, забила на льду своим пятнистым хвостом.

– Ох и хороша! – пропел старик, – До чего же знатные пироги получатся!

Поднимая крупную, весом около четырёх килограмм, рыбину, Кузьмич аккуратно поместил её в свой рыбацкий мешок.

За спиной послышался шум и чьё-то рычание.

Старик обернулся и заметил трёх больших матёрых волков, которые скалились в своих беспощадных улыбках.

– А, пожаловали санитары леса, – негромко сказал Кузьмич и пожалел, что не взял карабин и собаку, – так значит, проголодались, из леса вышли, ребята…

«Ребята» стояли в нескольких метрах от старика и скалили зубы на свою жертву.

– Вот что, ребята, – посмотрел на волков отставник, незаметно доставая охотничий нож и обнажая его, – я не торопясь пойду, всю рыбу вам оставлю, кушайте, то, что не доедите, я потом возьму, когда с карабином обратно приду. Согласны, ребята?

При этом старик вывалил хищникам пойманную рыбу, но «ребята», игнорировав угощение, жадно и плотоядно посматривали на медленно отступающего от них старика.

– Что, рыбы вам не надо? – отходя по тропке спиной к показавшейся уже бане, спрашивал у хищников Кузьмич, – Кого же вам надо? А-а, меня… Подождите, ребята… Вот дойдём до дома, тогда поговорим…

Внезапно решившись, все три волка бросились на Кузьмича, так некстати запнувшегося, потерявшего равновесие и упавшего спиной на снег. Моментально выбрав и определив из волчьей троицы вожака, старик по самую рукоять большого охотничьего ножа вонзил клинок в упругую волчью плоть. И ещё когда два других волка стали терзать его, отставник двумя короткими ударами ножа добил вожака, который скуля,

сполз с него, хрипя и разбрызгивая тёмную кровь на снегу. Волки отскочили, почувствовав смерть своего вожака, затем вернулись, подходя к старику.

Кузьмич тоскливо посмотрел на дом: далеко, даже истекая кровью, он не успеет доползти до него, как звери разорвут его. Тем более, разодранные зверьём ноги болели и сковывали его, причиняя острую боль при каждом движении. С огромным трудом, подползая к дому по снегу, обагрившемуся кровью, его кровью, старик вспомнил в очередной раз, как он опрометчиво не взял с собой карабин и собаку.

Собаку!

Словно бы вспомнив что-то, Кузьмич позвал, привставая над снегом: – Айк! Ко мне, Айк!

Довольно улыбаясь своими людоедскими улыбками, волки заходили на свою последнюю атаку на человека.

Словно бы взорвавшись изнутри разбитым стеклом, из окна веранды, невероятным прыжком, разбиваясь в кровь от разбитого стекла, вылетел грозный бульмастиф!

Айк!

Одним мигом матёрый бульмастиф настиг волков и тут же верная собака, закрыв собой хозяина, приняла свой последний неравный бой с лесными хищниками. Крутясь в одном яростном клубке, в поединке с двумя огромными матёрыми волками, старый бульмастиф, не обращая внимания, как волки грызли и убивали его, делал свою работу, свою последнюю работу.

Вырвав глотку одному из волков, который захрипев, задрыгал лапами, агонизируя на снегу, истерзанный бульмастиф дрался с последним волком. Грызя и убивая друг друга в беспощадном поединке, собака и волк бились не на жизнь, а на смерть. И если волк хоть как-то пытался уже защитить только свою уходящую жизнь, собака билась с ним, умирая, защищая жизнь того, кого любила больше всего – своего хозяина.

Коротко, по-щенячьи завизжав, последний волк забился в предсмертных конвульсиях, когда умирающий бульмастиф мёртвой хваткой взял его за горло и сдавил своим последним усилием.

Всё!

Умирающий пёс, истекая кровью подполз к лежащему на снегу хозяину и доверчиво положил ему на грудь свою большую мужественную голову.

– Айк! – плакал в полном одиночестве старик.

Но ничего ему не ответил ни Айк, ни сумрачный лес, шумевший над его головой и поющий свою какую-то старую печальную песню.

Костерок

Рассказ-притча

А собрались как-то поздней осенью по грибы да ягоды два друга-дружбана.

Один из них спортивный молодой да сноровистый мужик Григорий Кузьмич, да доходя и хиляга-неумеха Кузьма Григорьич. Справно так собрались и затарились, в общем пошли. До лесу доехали на машине, что принадлежала работящему и рукастому Григорию Кузьмичу. Вышли они в лес, идут. А коли грибов и ягод немного вовсе даже в лесу, завязался между дружбанами философский разговор.

- Вот, - говорит, Григорий Кузьмич, - и силушку я имею немереную, не зря на качалке штангой занимаюсь, и всё у меня в руках горит и спорится, да и по нраву я всамделишный герой, куда там киношному Брюсу Уиллису тягаться! Вот что-бы ни случилось с тобой, дружбан, из лесу на руках бы утащил, одно слово герой-спортсмен.

- А я вот, - отвечал ему дружбан, - и не качаюсь, да и с рук всё валится у неумехи, не зря который год уже на инвалидности сижу!

- То ли дело я! – не уставал восхищаться собой атлет, - И лося на себе понесу, и спичкой одной костёр разожгу, не зря на турслётах этому обучен!

- А я и не пробовал костёр разжечь одной спичкой-то, - виноватился перед ним его друг.

- Да что ты, зачем тебе и спички, - улыбался Григорий Кузьмич, - коли я с тобой, твой самый лучший всамделишный друг!

- И то верно, - блаженно так улыбался Кузьма Григорьич.

В общем, походили-побродили они по лесу и каким-то чудом Кузьма Григорьич вывел их на заветную поляночку, где вдруг такая пруха на них там навалилась, что не унести – грибов на поляночке им попало видимо-невидимо.

И все баские такие, знатные, как на подбор. Вот уже все корзины у дружбанов были набраны, и рюкзаки наполнены, а грибы всё не кончались и не кончались.

Вдруг раненым птенчиком пискнул как-то дружбан Кузьма Григорьич. Подлетел к нему как коршун друг его Григорий Кузьмич и ужаснулся: ох неумёха ты, неумёха, Кузьма Григорьич, что ж ты соделал с собой, ротопеля этакой, смотри, ноженька у тебя сломана, как вот теперь с тобой возиться?!

Посмотрел так бывалым взором атлет на пострадавшего, затем взгляд перевёл на корзинки и рюкзаки, полные грибов, ох и баские же, хорошие грибочки попались, такие на базаре денежек стоят! Одно слово, жаль бросать таких, а вдруг сгинут или испортятся…. Да и что

говорить тут, выбор очевиден для любого мужика, особо если он рукастый и хозяйственный, всё в дом, а не из дома тащит.

Посмотрел так силач Григорий на своего дружбана-дохляка Кузьму и решил значит: - Вот что Кузьма, ты меня здесь подожди, я грибы к машине доставлю, а потом сразу за тобой. Ты не против, спички вот оставлю, костерок разожги, побалуйся и ни в чём себе не отказывай!

Конечно не против мнения дружбана своего Кузьма Григорьич, и то дело, Григорий Кузьмич бывалый, тёртый мужик, он слово держит, ведь обещал же вернуться, стало быть вернётся.

Поплутал-поплутал по лесу со всеми грибами Григорий Кузьмич, да и вышел к машине, которая, вот интересно, стояла совсем близко от той полянки, где он дружбана оставил. Посмотрел так по-хозяйски на грибы турист-отличник и смекнул, что готовить их надо, а то нечто испортятся поди, да и любой бы его понял, особо рукастый и сноровистый, тот у кого не туман и запах тайги в голове гуляет.

А что до Кузьмы Григорьича, хоть и хиляга, а выдержит до утра, чай мужик, не тряпка. Порешал так, побаял сам с собой Григорий Кузьмич, да и уехал домой, жёнке удовольствие найденными грибами доставлять.

А уж под утро Григорий Кузьмич сделал всё как надо и правильно: к поискам милицию, скорую, МЧС приладил, одно дело – профессионалы, да и он что-ли из лесу доходягу на себе попрёт, в самом деле есть кому, зря что ли им деньги плотют!

Короче, добрались они до той полянки, и чего её искать, рукой подать!

А вместо костерка, которого так и смог разжечь его дружбан и лежало на сырой земле его тело, безрукого и неумелого Кузьмы Григорьича с россыпью разбросанных и мокрых спичек.

Врач, осмотрев его, авторитетно просветил: - Сердце у бедолаги не выдержало, да и замёрз он…

Улыбался грустно так «супермен» наш, молча так, про себя: «Ну что за неумёха, Кузьма Григорьич, и выжить даже не смог без меня один вечер и одну ночь… Эх, неумёха нерукастая… А за грибы спасибо, вовремя ты привёл на поляночку эту, горемыка ты наш!»